

СОДЕРЖАНИЕ

БЕДНЫЕ БОГАТЫЕ ДЕВОЧКИ, ИЛИ БАРЫШНЯ И ХУЛИГАН	3
ПИТЕРСКАЯ ПРИНЦЕССА	209
САГА О БЕДНЫХ ГОЛЬДМАНАХ	437

*Все персонажи и события, описанные в романе, —
плод авторской фантазии. Все совпадения автор
просит считать случайными.*

Даша. 1994 год

Декабрь девяносто четвертого забыл, что числится зимним месяцем. Вялая безнадежная слякоть, затопившая город, сменялась промозглым ветром, и температура не опускалась ниже нуля. Зима, казалось, не начнется уже никогда. Дома было холоднее, чем на улице. Крошечная облупившаяся батарея никак не могла обогреть тридцатиметровую, с четырехметровыми потолками, комнату. Повернувшись во сне, Даша высунулась из-под одеяла и тут же проснулась от холода. Сознание еще не пробудилось окончательно, но отчаяние мгновенно навалилось на нее черной стеной. Сегодня похороны, всего через пару часов она увидит страшную темную яму... Даша попробовала укутаться в одеяло, выставив наружу только нос, закрыть глаза и еще немного побыть в сонном тепле. Ничего не вышло, черная стена не отступала. Спрятаться не удалось, пришлось начинать день. Намотав на себя все, что попало под руку, она поплелась варить кофе. Пройдя по затейливо изгибающимся темным коридорам, вышла в прихожую и, увидев себя в большом зеркале, усмехнулась: «Чудище-юдище морозоустойчивое». Снизу Даша утеплела себя полосатыми черно-желтыми носками, гармошкой спускавшимися по ногам, а сверху огромным старым свитером, который ее муж обычно брал с собой на рыбалку. Между свитером и полосатыми, в стиле Карлсона, носками торчала розовая шелковая ночная рубашка с эротично-высоким разрезом, уходящим под толстый свитер, и кружевом на подоле, кокетливо выющимся по шерстяным носкам.

Даша выглянула в окно. Скоро разъедутся машины, ночующие во дворе, и появится грузовик, появление которого означает новый день. В Дашин двор выходит черный ход винно-водочного подвала, и грузовик каждое утро привозит в магазин ящики с водкой и дешевым вином. Грязный раздолбанный ленинградский двор-колодец во все времена года и суток — отнюдь не поэтичное место. Вся жизнь двора происходит вокруг магазина. Грузчики, ругаясь, разгружают грузовик с водкой, кто-то выпивает, примостившись у огромной кучи ящиков, часто скандалят, лениво и беззлобно дерутся, и жел-

тый милицейский «уазик» — вполне привычная часть дворового пейзажа.

В центре двора стоят огромные помойные баки, из которых мерзко выпирают останки чужого быта. Дома мусор всегда заворачивали в газеты, сверху изящно обвязывая веревочкой с бантиком. Даша часто выходила из двора задумавшись и внезапно обнаруживала себя, изящно помахивающую мусорным пакетом, то посреди улицы, то у метро, а один раз даже в Гостином, и то только потому, что ей понадобилась рука пощупать кофточку на прилавке.

Даша обвела взглядом двор и посмотрела на градусник, прикрепленный к оконной раме. Минус десять, наконец-то! Можно надевать шубейку. Эта мысль была приятной, ведь норковая шубейка — специальная вещь, не совсем одежда. Она служит не для тепла, а для осознания правильного течения своей жизни. Приятная мысль булькнула пузырьком и ушла. Даша еще немного бездумно поглядела в окно и окончательно проснулась.

Собираясь на похороны своего друга Игорька холодным декабрьским утром, Даша не надела вождеденную норковую шубу. Из груды курток, плащей и пальто рука сама вытянула затерявшееся в глубине шкафа черное солдатское пальтецо, которое она купила еще на первом курсе. Пальтецо Даша не носила лет пятнадцать, но и не выбрасывала, считая, что маленькое черное пальто так же вечно актуально, как маленькое черное платье. Концептуальное пальто все не пригодились, и Даша окончательно о нем забыла. Она собирала свою одежду как коллекцию и наслаждалась ею со страстью человека, прожившего до тридцати лет в джинсах. В разной одежде чувствовала себя разной — в шубе, например, таинственной и влюбленной... идешь по морозу, глаза блестят, как у Кити: что за прелесть эта девушка! В коротком пуховике можно стать никакой девушкой из толпы, ведь играть в анонимность ой как интересно! Иногда она совпадала со своей одеждой, иногда нет, будто являлась на великосветский бал в кожаной мини-юбке в стиле диско.

Натянув черное пальтецо, Даша взглянула в зеркало. К сожалению, одетой в вечно актуальном маленьком черном стиле она не выглядела. Скорее напоминала гордого своим осознанным выбором посетителя окрестных помоечных магазинчиков «секонд-хенд».

Оглянувшись на скрип двери, Даша увидела высунувшуюся из комнаты Маргошину руку. Рука быстро перевернула картонку. На двери Маргошиной комнаты висела картонная табличка, на которой корявыми буквами было нацарапано «Здесь живет Иден Полякова». Маргоша настолько вжилась в любимый сериал «Санта-Барбара», что вежливо обращалась к себе по имени любимой героини и настоятельно требовала от родителей называть ее только

6 Иден. Даша на рецидив Маргошиного младенчества не от-

реагировала, и тогда оскорбленная Маргоша злобно вывесила на дверь табличку-памятку со своим истинным именем. На обратной стороне таблички нахальная Маргоша написала: «Можно убирать комнату».

Вслед за рукой появилась сама Маргоша, одетая в старую Даши-ну фланелевую рубашку, из-под которой торчали любимые, вытянутые на коленках пижамные штаны. Выбрав одно из самых неприятных выражений лица своей четырнадцатилетней личности и скривив губы, Маргоша сварливо сказала:

— Ну ты и вырядилась, стыдно так идти! Будет столько людей, ты некоторых со школы не видела, сама говорила. Тебе что, параллельно, что о тебе подумают?

— Нет, мне не параллельно... — задумчиво ответила Даша. — Маргоша, ну какое имеет значение, как я одета! Это же похороны, а не вечеринка, и я там не главный персонаж.

— Главный персонаж на похоронах, очевидно, тот, кого хоронят! — не упустила возможности съязвить Маргошка.

— Отстань от меня хотя бы сегодня, хотя бы на десять минут! — жалобно попросила Даша. — Я как в дурном сне!

— Да, тебе можно городской сумасшедшей нарядиться, а когда я по дому в пижаме шляюсь, кто говорит, что человек всегда должен выглядеть прилично? — склочно завела Маргоша.

— Почему я городская сумасшедшая? Это было очень модно... лет двадцать назад, — рассеянно ответила Даша и еще раз взглянула в зеркало. — Ты, конечно, права, я выгляжу странно.

Однако пойти на похороны следовало почему-то именно в этом полудетском солдатском пальтеце. Даша смотрела на себя в зеркало и видела там вчерашнюю десятиклассницу из их с Иггорьком общей юности, а не тридцатилетнюю... допустим, женщину... наверное, взрослую, ведь не взрослые на похороны друзей не ходят.

Маргоша подтянулась поближе и завывала заранее подготовленным воем:

— Я пойду на похороны с вами, ну, пожалуйста!

— Как тебе не стыдно, это же не развлечение, не тусовка, ну ужели ты не видишь, как я переживаю! Почему я должна еще с твоими глупостями разбираться. — Дашин голос привычно набирал скандальную силу.

— Я прошу тебя, — напряженно сказала Маргоша. — Мне это очень надо. Пожалуйста...

Это прозвучало неожиданно. Подростково-независимая Маргоша никогда не использовала в своем поведенческом репертуаре варианты, хотя бы отдаленно напоминавшие просьбу, а слово «пожалуйста» казалось ей особенно унижительным для взрослого человека. Даша рассеянно пробежала глазами по дочери как по неподвижному объекту и вдруг наткнулась на что-то странное,

похожее на страдание, наклеенное на пухлое детское лицо словно неожиданно яркая аппликация. «Что это, почему она страдает без моего разрешения?» — промелькнула идиотическая начальственно-материнская мысль. Устало, заранее сдавшись, она выдала на одном дыхании все сразу:

— Я сказала, нет! Ты никуда не пойдешь! Не надо, ты не понимаешь, как это страшно, когда человек неожиданно умирает в тридцать пять лет. Да еще все его полужены бесконечные будут толкаться, место у гроба делить... Я прошу тебя, останься дома, — безнадежно умоляла Даша. — Ну давай, быстрее одевайся, делай что хочешь... пойдём скорей, уже пора!

* * *

Через месяц после похорон Игорька, пробираясь в Маргошином логове сквозь плотный ком книг, тетрадей, смятой одежды, позавчерашних огрызков и прочих предметов Маргошиной жизнедеятельности, Даша случайно сдвинула с места секретный ящик и застыла от удивления и мгновенно пришедшего понимания. Бедная девочка, бедная маленькая наглая Маргоша, оказывается, была влюблена в Игорька, Дашиного друга детства. Из ящика на пол посыпались фотографии, украденные Маргошей из семейных альбомов: Игорь шуточно замахивается на робко улыбающуюся Алку, довольный Игорь обнимает тоненькую, с ногами-прутиками, Дашу и Марину, глядящую в объектив, будто стоит лицом к лицу с врагом... трогательные, совсем еще детские лица... а вот повзрослевшие Даша и Игорек в Финляндии, Германии, Испании... Некоторые фотографии Маргоша обрезала, оставив только Игорька. Игорьки разных лет выпали из Дашиных рук, и неправильные Игорьковы лица с кривой полуулыбкой распределились на полу поверх Маргошиного хлама. Даша уселась на пол, сгребла фотографии в кучу и, тихо всхлипывая, заплакала от жалости к бедной, глупой, такой еще маленькой Маргоше, от тоски по Игорьку и еще от какого-то сходного с обидой чувства. «Почему наши дети растут так быстро, что уже залезают на нашу собственную территорию? — думала она, разглаживая фотографии. — Мы сами еще влюблены в наших мальчиков, нервно курим в туалете, думаем о своих романах, а наши маленькие девочки стоят под дверью и ноют: — Мама, ну когда ты выйдешь, мама! — Покурю и выйду, иди поиграй пока.

И дальше — перебирать «любит, не любит, плюнет, поцелует...». А малышки, оказывается, скоро сами нервно закурят! Содрали розовые бантики и бегут во взрослые любви, отталкивая своих мамочек!»

...Пятилетняя Маргоша всегда ревниво следила за справедливым распределением благ между собой и Дашей.

— Да, мамочка, знаю я тебя, — завистливо говорила она. — Ты и мужов поменяешь, если захочешь, а я в своем синем платье уже на празднике в саду была, и в цирке была...

Задумавшись, Даша не расслышала шороха в прихожей. Дверь распахнулась, и в комнату влетела сначала Маргошина крошечная сумочка, которую она брала в школу вместо портфеля, а следом за сумкой ворвалась сама Маргоша. Взгляд ее в панике остановился на Игорьках в Дашиных руках.

— Что ты здесь делаешь?! — выпучив глаза, заорала Маргоша на пределе склочных сил. — Что... ты... делаешь... в моей... комнате? Застигнутая врасплох, Даша бросилась в атаку:

— Ты опять отправилась в школу с дамской сумочкой! У тебя в нее даже тетрадка не влезает, но ты же в школу ходишь не учиться...

Разглядев в Маргошиных глазах ужас и беспомощность человека, чью самую сокровенную тайну неожиданно вывесили на доске объявлений, она спохватилась и, пряча глаза, залепетала:

— Зашла к тебе, убрать хотела...

«Вот черт, неудачно!» — одернула себя Даша. Она давно уже решительно объявила Маргоше: «Я берлогу сумасшедшего зверя убирать не собираюсь!»

Лет с восьми Маргоша убирала, вернее, не убирала, сама, и Даша никак не могла оказаться у нее в комнате с целью уборки помещения.

Помимо собственной персоны Маргоша обычно распределяла на кровати все необходимые ей книги, косметику, чистую и грязную одежду вперемешку. Все это, включая тарелки с обедками и саму себя, она накрывала одеялом и преспокойно спала рядом.

Маргоша злобно металась глазами по комнате, старательно минув Дашу. Ее покрасневшее лицо выражало стыд и одновременно желание сделать вид, что ничего не произошло.

— Я не рылась у тебя, честно, — обреченно ожидая продолжения скандала, сказала Даша. — Фотографии, которые ты выкрала, сами вывалились. Ты бы получше прятала, — по-свойски посоветовала она.

Она провела рукой по рыжим кудряшкам. Маргоша неуверенно отодвинулась. Между ними давно уже этого не водилось. Маленькая пухлая Маргошка любила валяться в Дашиной постели, обниматься, но в последние годы тактильная близость незаметно исчезла — слишком быстро выросла Маргоша, и слишком медленно, не поспевая за дочерью, выросла Даша.

Она никогда — ни вслух, ни мысленно — не называла Маргошу дочерью, говорила и думала о ней только «мой ребенок». Иметь ребенка не так обязывает, как иметь дочь. Если Маргоша — дочь, то Даша — мать, а вместе они — скульптура Дашиного материнства и Маргошиного детства. Даше не хотелось быть

«матерью», а хотелось быть «Дашей». Она покупала себе и Маргоше одинаковые джинсы, разноцветные маленькие рубашечки и заколочки для волос, и нахальная Маргошка была искренне убеждена, что все у них должно быть строго поровну, а если нет, то она, Маргоша, всегда сможет восстановить справедливость путем «прокрадания в шкаф и украдания вещей». Настоящие мамы, толстые, уютные, с прическами, в платьях, брошках и туфлях на каблуках, кажется, вообще ушли в прошлое. А хорошо бы, наверное, Маргоше иметь такую толстую маму с вязаньем в руках. Если мама выглядит не так, как дочь, значит, и думает обо всем иначе, а теперь продвинутые мамы до старости подростки в джинсиках. И потому, возможно, не кажутся своим дочерям незабываемой опорой.

Даша отправилась в свою комнату, чувствуя себя точь-в-точь как коктейль, в котором хорошенечко взбили несочетаемые между собой ингредиенты. Фотография, за разглядыванием которой застала ее Маргошка, осталась у нее в руках. Черно-белые Игорек и Даша смотрели друг на друга со схожим выражением неудовольствия и неприязни. «Какая же я была худая, по крайней мере два размера за эти годы наела, — грустно подумала Даша, доставая из своего шкафа старый бархатный альбом с фотографиями. — Посмотрю, оставила мне Маргошища хоть каких-нибудь Игорьков или всех стащила».

Даша улеглась на полу, положив распухший альбом перед собой. Старые черно-белые фотографии были аккуратно вставлены в специальные уголки, а сложенные пачками новые, яркие и глянцевые, просто засунуты между страницами. В альбоме жили две разные жизни. Черно-белая казалась почему-то грустной. Там за Папину руку цеплялась маленькая Даша в спущенных колготках, летом особенно кривоногая и сутулая, а зимой по самый нос замотанная в полосатый шарф.

Прижимая к груди Игорьков, в комнату просочилась притихшая Маргоша. Она расположилась на полу рядом с Дашей, положив юного Игорька перед собой, и уткнулась в него подбородком.

— Маргошка, ты что, действительно была в него влюблена? Он же старше тебя на двадцать лет, — осторожно спросила Даша, боясь спугнуть неуверенное Маргошино доверие.

— Был старше... а теперь я буду расти до него. Расскажи, как вы дружили, — попросила Маргоша.

— Смотри, Маргошка, вот Соня маленькая! — оживилась Даша, всматриваясь в девочку, робко смотрящую на них с выцветшей фотографии.

Маргоша нетерпеливо отмахнулась.

— При чем тут бабушка! Рассказывай про Игорька! — потребовала она тем же капризно-заинтересованным тоном, которым в детстве требовала сказку.

Соня. 1944 год

Соня пошла в первый класс в Одессе. Мама давно умерла, отец воевал, и семилетнюю Сонечку отдали тетке, Лидии Моисеевне Машкович. Маму свою она не помнила, и хотя у нее были тетя Лида, тетя Фаина и тетя Фрида, ни для кого из них Сонечка не стала самой лучшей и любимой. Полусиротство наложило на ее природную застенчивость, и Сонечка росла очень робкой и тихой девочкой. Говорила всегда еле слышно, не поднимая глаз и теребя рукой подол платья.

В школу Сонечка пошла записываться сама.

Дети расселись по партам, и учительница попросила каждого подняться и назвать себя. Соня в ужасе ждала, когда дойдет очередь до нее, когда придется вставать перед всеми детьми и этой чужой тетей. Наконец, страшная тетя обратилась к ней, дрожавшей как противный и склизкий тети-Лидин кисель.

— Как твоя фамилия, девочка? — спросила учительница.

— Гохгелеринт, — прошептала Соня.

— Громче! — велела учительница. — Я не слышу.

— Гохгелеринт... Соня... Гох... геле... ринт... — Сонин голос прервался. — Я Соня...

— Что ты Соня, я уже, слава богу, поняла, — начала раздражаться учительница. — Фамилия твоя как?!

— Машкович! Машкович моя фамилия, — дрожащим голосом пролепетала несчастная Сонечка, ожидая, что ее немедленно выгонят из класса за вранье.

Учительница удовлетворенно кивнула головой и аккуратно занесла в классный журнал тети-Лидину фамилию, не расслышав ее до конца. «Машкова Софья», — записала она.

Присвоить чужую фамилию было, конечно, неопишным преступлением. «Но, если, — думала Сонечка, — я хотя бы была Машкович... все-таки это не так страшно... но быть какой-то никому не ведомой Машковой, вообще не существующей на свете... непостижительно!» Долгие три месяца Соня провела в ужасе, что обман раскроется и за жизнь под чужой фамилией ее посадят в тюрьму.

Кощмар закончился, когда тетя Лида пришла в школу узнать, как учится ее племянница. Сони Гохгелеринт в школьном журнале не обнаружилось. Тихая племянница оказалась необычайно злокозненной и врунливой девочкой, которая каждое утро, как Буратино с букварем под мышкой, отправляется в школу и попадает в другое место. Не успев даже удивиться, тетя обнаружила в списке фамилию, схожую со своей, и обо всем догадалась. Под своей родной труднопроизносимой фамилией Соня зажила спокойно, не обижаясь на то, что в классном журнале ее сокращали когда до «Гохгелер.», когда до «Гохг.». Пусть строчка корот-

кая, зато в переводе фамилия значит «высокоученый», очень красиво. А с какого языка это перевод, Соня не знала. Что было лучше для маленькой девочки в военное время — иметь еврейскую или немецкую фамилию? Ясно, что «оба хуже».

Подруги. Семидесятые

Волшебно, фантастически изменилась жизнь! Переехали! Из постылой, облупившейся, как некачественная игрушка, пятиэтажки в центр, в старый дом на углу Невского и Садовой! В огромную квартиру! Называется «обмен с доплатой»!

Квартира находится на последнем этаже бывшего черного хода. Лестницу доходного дома XIX века невозможно сравнить с лестницами современных панельных домов. Четвертый, последний, этаж ее равняется по сложности восхождения двадцатому современному по крайней мере, именно так каждый раз думает Даша, со злобным сопением преодолевая лестничные пролеты, взметнувшиеся почти перпендикулярно полу, как разведенные над Невой мосты.

На лестнице живет крыса по имени Фаина. Имя Фаина заискивающе одомашнивает крысу, делая мысли о ней не такими страшными. Если Фаина мечется под Дашиными ногами, то Даша всегда действует одинаково: непроизвольно встает на цыпочки, вытягивается в столбик и тоненько, на одной ноте выводит: «И-ииииии...». Фаина то появляется, то пропадает, но мысль о возможной встрече с ней не оставляет Дашу никогда. Если ее кто-нибудь провожает во время особенной Фаиной активности, она всегда просит о дополнительной услуге: войти с ней в подъезд и, постучав ногами, громко и уверенно сказать: «Фаина, уходи!» Только после этого Даша, забыв попрощаться, пулей несется наверх.

Соседствующий с магазином подъезд не только служит Фаиным пристанищем, но и бесхитростно используется как общественный туалет всеми посетителями винно-водочного подвала. Перебраться через лужу на первом этаже и миновать встречи с Фаиной еще не гарантия удачного восхождения по экстремальному маршруту.

Жуткая эта лестница имеет такие крутые повороты, что не видно, есть ли кто-нибудь на площадке в конце пролета. Несколько насильников одновременно могут примоститься в потаенных лестничных закоулках, даже не подозревая о присутствии друг друга. Заранее приготовившись к худшему, Даша поднимается по лестнице, затаив дыхание и озираясь по сторонам. Быстро взбежать по лестнице почему-то кажется неправильным, слишком примитивным и беззаботным, надо именно красться, прислушиваясь